

**ПОЭМА О ЧЕЛЮСКИНЦАХ САБИТА МУКАНОВА:
ОРИГИНАЛ БЕЗ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОД БЕЗ АВТОРА***

Юлия Козицкая

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

**SABIT MUKANOV'S POEM ABOUT THE CHELYUSKINTSY:
AN ORIGINAL WITHOUT A TRANSLATION
AND A TRANSLATION WITHOUT AN AUTHOR****

Yulia Kozitskaya

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

This article considers the topic of Soviet heroism as reflected in *The Polar Bear* (Rus. «Белый медведь») by the Kazakh poet Sabit Mukanov, a poem dedicated to the rescue of SS *Chelyuskin* wreck survivors. The poem came second in a competition of works about *Chelyuskintsy* held in 1934. After the competition results were announced, a Russian translation of the poem by Pavel Vyacheslavov was released. Of all the works presented at the competition, only the translation of Mukanov's poem was published in the central press: excerpts appeared in the *Novy Mir* and *30 Dney* magazines. The fact that a work by a representative of a national minority was published in Moscow magazines demonstrates the significance of the text for the entirety of Soviet discourse. This article discusses the translation features of the excerpt published in *Novy Mir* and analyses the

* Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.

** Citation: Kozitskaya, Yu. (2020). Sabit Mukanov's Poem about the Chelyuskintsy: An Original without a Translation and a Translation without an Author. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 503–518. DOI 10.15826/qr.2020.2.477.

Цитирование: Kozitskaya Yu. Sabit Mukanov's Poem about the Chelyuskintsy: An Original without a Translation and a Translation without an Author // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 503–518. DOI 10.15826/qr.2020.2.477 / Козицкая Ю. Поэма о челюскинцах Сабита Муканова: оригинал без перевода и перевод без автора // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 503–518. DOI 10.15826/qr.2020.2.477.

structure of the original text. In addition to the obligatory components of Stalinist social realism, such as the glorification of Stalin and the heroism of the Soviet man, the poem contains elements that mark it as a text from a different cultural tradition, i. e. specific similes and Kazakh proverbs and sayings. The poem contains references to the works of Pushkin, Heine, and the Kazakh classic Abai Qunanbaiuly. Mukanov uses these references to demonstrate that he is familiar with the literary canon and is learning from the literary classics. Based on an analysis of the text, it can be concluded that it is the Moscow Kremlin, not the polar ice floe, which is at the centre of the rescue operation. Thus, the key topic of the poem is not the rescue of the *Chelyuskinty*, but the glorification of the Soviet system under Stalin. An examination of differences between the original text and the translation makes it possible to understand what was directed at the Kazakh-speaking reader in the text – and therefore what disappeared in the translation. The Kazakh text contains many clarifying footnotes, including explanations of words by means of synonyms. It may be presumed that by incorporating new Soviet words into the Kazakh language, Mukanov acts as a transmitter of imperial ideology.

Keywords: *Chelyuskinty*; Sabit Mukanov; Pavel Vyacheslavov; Kazakh literature; Soviet literature; Pushkin.

Задача статьи – проследить воплощение темы советского героизма в поэме казахского поэта Сабита Муканова «Белый медведь», посвященной спасению челюскинцев. Поэма заняла второе место на конкурсе произведений 1934 г. о челюскинцах. После подведения результатов конкурса появился русский перевод поэмы, выполненный Павлом Вячеславовым. Среди заявленных на конкурс произведений только перевод поэмы Муканова был опубликован в центральной печати: отрывки из него вошли в журналы «Новый мир» и «30 дней». Факт публикации произведения национального автора в московских журналах свидетельствует о важности текста для всего советского дискурса. В статье раскрываются особенности перевода той части поэмы, которая была опубликована в «Новом мире», дан анализ структуры текста национального автора. Помимо обязательных компонентов сталинского соцреализма – прославления Сталина и героизма советского человека – в поэме содержатся элементы, маркирующие произведение как текст инокультурной традиции: специфические сравнения, казахские пословицы и поговорки. В поэме есть отсылки к произведениям Пушкина, Гейне и казахского классика Абая Кунанбаева, посредством которых Муканов демонстрирует свое знакомство с литературным канон и учится у литературных классиков. При анализе текста выявлено, что центром художественного текста является не спасательная операция с полярной льдины, а образ Московского Кремля и прославление советского строя под руководством Сталина. Выявление разницы оригинала и перевода поэмы позволяет понять, что в тексте было на-

правлено на казахскоязычного читателя и поэтому исчезает в переводе. Казахский текст содержит большое количество сносок-пояснений, вплоть до объяснений слов с помощью синонимов. Можно заключить, что Муканов, вводя в казахский язык новые советские слова, выступает в роли транслятора имперской идеологии.

Ключевые слова: челюскинцы; Сабит Муканов; Павел Вячеславов; казахская литература; советская литература; А. Пушкин.

Значимым идеологическим нарративом в довоенном СССР стала история экспедиции парохода «Челюскин» 1933 г. и его спасения. Ю. Слезкин называет повествования о походе началом «полярного эпоса, подарившего власти плодотворную метафору и действенный патриотический лозунг» [Слезкин, с. 320]. Освоение и преобразование пространства силами советского человека становятся главной темой текстов, посвященных Арктике [Frank]. Экипаж раздавленного льдами парохода, проведший на льдине два месяца в условиях полярной зимы и организовавший на ней настоящий советский лагерь, и летчики, справившиеся с операцией по спасению людей, воспринимаются как символы триумфа советского народа.

Литературные произведения, посвященные подвигу челюскинцев и летчиков-спасателей, были непосредственным ответом на «запросы читателей», которые публиковались в центральных газетах. Прославляя достижения советского человека, они были значимым орудием пропаганды. Обращение советского писателя к актуальной теме увеличивало шансы на публикацию и благосклонные отзывы критики. Журналист, скрывшийся под инициалами Б. Р., писал о «наказе» Всесоюзному съезду писателей, принятом на общегородском слете «читательского актива»:

Слет читательского актива сформулировал основные требования, высказанные на страницах заводских газет и с трибун читательских конференций. Он объединил тематические заявки и дал заявку на высокое качество советской литературы: «...Мы хотим читать о наших героических буднях, – говорится в наказе, – о беззаветных героях наших фабрик, заводов, колхозов. Мы хотим читать о нашей доблестной Красной армии и флоте. <...> Дайте нам книги об эпопее челюскинцев, о завоевании стратосферы, об освоении Арктики и безводных пустынь...» [Б. Р.].

Наряду с русскими, о челюскинцах писали и национальные писатели, обращение к теме общесоюзной значимости утверждало их статус как советских авторов. В конце 1934 г. газета «Социалды Қазақстан» объявила конкурс на лучшее произведение о челюскинцах, на который было подано 25 произведений [Нуртазин, с. 130].

Сабит Муканов.
Фото 1930-х гг.

Sabit Mukanov. Photograph.
1930s

Результаты конкурса были опубликованы в газете «Lenincil şas» 12 июня 1935 г. [Кәмесіје]¹. Первая премия на конкурсе присуждена не была, поэма Сабита Муканова «Ақ ајув» получила второе место². Проследить историю изданий всех произведений о челюскинцах и их переводов на русский язык не представляется возможным из-за отсутствия полных библиографий казахских литераторов.

Сабит Муканов (1900–1973), первые произведения которого вышли из печати в советском Казахстане, был одним из ведущих казахских писателей, встроившимся в советскую литературную иерархию, активно участвовал в общественной и политической жизни. Муканов окончил Институт красной профессуры в Москве, отлично знал русский язык, читал и писал на нем. Он был заметным деятелем советской политики в литературе: стал одним из руководителей Казахской ассоциации пролетарских писателей, дважды возглавлял правление Союза писателей Казахстана (в 1936–1937 и 1943–1951 гг.) [Хасенов, с. 475]. Эти факты биографии, а также выход его книг в ведущих московских издательствах позволяют говорить, что Муканов не был рядовым казахским писателем в советском литературном поле, а занимал достаточно высокую позицию, играя роль посредника между центром и национальной республикой.

Поэма «Ақ ајув» («Белый медведь») открывается описанием отплытия экипажа парохода «Челюскин» и речью начальника экспедиции О. Ю. Шмидта. После крушения парохода Шмидт организует на льдине лагерь. Сталин отдает приказ спасти челюскинцев, им на помощь вылетает летчик Ляпидевский. Вместе с экипажем он перевозит и захваченного Шмидтом белого медведя. Белый медведь знакомится в зоопарке с бурым, который рассказывает ему о том, как он попал в зоопарк и кто в нем живет.

Главы поэмы на казахском языке начали выходить в газете «Социалды Қазақстан» сразу же после объявления конкурса в ноябре 1934 г. [Мұқан ұлы, 1934]. Спустя 20 дней после публикации результатов конкурса был сдан в набор номер «Литературного Казахстана» [Муканов, 1935а, с. 71–75], содержавший первую главу поэмы на русском языке.

¹ Среди представленных на конкурс были произведения Сабита Муканова «Ақ ајув» («Белый медведь»), Аскара Токмагамбетова «Уборсытса» («Уборщица»), Гали Орманова «Альпоян Қамал» («Освобожденная крепость»), Таира Жарокова «Мұз тұтқынь» («Пленник льда»), Абдильды Тажибаева «Қутқарув» («Спасение») [Вәјге].

² В дальнейшем при ссылке на победу в конкурсе место, которое заняла поэма, не указывалось. Ср.: «Вполне заслуженно его [Муканова] поэма о челюскинцах “Белый медведь” получила в Казахстане высшую премию» [Шарипова].

Журналы «Литературный Казахстан» и «Әдебиет майданы» продолжали издавать поэму поглавно, однако на русском языке не вышла пятая глава, которая была опубликована только в собрании сочинений Муканова (1960) [Муканов, 1960, с. 372–381]. В этом издании перевод остальных глав поэмы подвергся некоторым изменениям, при этом годом написания всей поэмы был указан 1935-й. Единственным переводчиком поэмы «Ақ ајув» был поэт Павел Вячеславов.

Поэма Муканова является одним из многих текстов национальных советских авторов, особенностью которых было их функционирование одновременно на национальном языке и в русскоязычном переводе. Этот процесс включал текст в поле советской многонациональной литературы, поскольку делал его доступным для всех читателей. Посредством переводов формировался корпус советской литературы как литературы многонациональной³.

Текст на русском языке не является в полной мере переводом с казахского: он содержит все ключевые эпизоды сюжета поэмы, однако о полном соответствии можно говорить только на уровне мотивов. При этом текст на русском языке, в создании которого были задействованы автор подстрочника, переводчик, редактор, издатель, функционировал в поле советской литературы именно как перевод с казахского и был подписан именем Муканова.

Нет оснований считать, что Муканов не знал о тех изменениях, которые вносились при переводе. Автор участвовал в выборе переводчиков для своих стихотворений и мог оценить, в какой мере перевод соответствует оригиналу. Один из ранних сборников стихотворений Муканова открывается предисловием автора на русском языке, в котором он отмечает неточности переводов, связанные с тем, что переводчики, не зная казахского языка, работали с подстрочником [Муканов, 1934]. Это позволяет предполагать, что перевод поэмы был согласован с автором.

И текст на русском языке, и текст на казахском, оставаясь произведениями, приписанными определенному автору, могут служить образцами безавторской поэзии сталинского соцреализма, прагматика которой заключается в прославлении вождя. Анализируя специфику переводов в СССР, Е. Добренко пишет: «Тексты о вожде не могут быть авторскими по определению: в “стеклянном доме” тоталитарного государства связь между персонажем (вождем) и читателем (массами) прямая и не предполагает посредника-автора. Превращаясь в медиум вождя, автор теряет все те качества, которыми не располагает, согласно Барту, и читатель: он лишается истории, биографии, психологии и, таким образом, сам превращается в читателя. Между вождем и массой третий – лишний» [Добренко, 2011, с. 262].

³ «Перевод с разных языков должен был способствовать созданию глобального канона социалистического реализма, а также советского канона “репрезентативных” выражений национальных культур внутри империи (что также стало вопросом национальной политики)» [Witt, p. 151].

Отрывки из поэмы, посвященной челюскинцам, были дважды изданы в центральной московской печати. Публикация преследовала в первую очередь идеологические цели. Текст Муканова, представителя казахских писателей, демонстрировал лояльность советской национальной элиты к власти и ее включенность в процессы, происходящие в стране. Одновременно публикации национальных писателей на русском языке в центральной прессе служили идеологическим доказательством продолжения советской властью политики «положительной деятельности» [Мартин]. Текст национального автора оказывается важным для всего советского дискурса.

В журнале «30 дней» (1936, № 5) вышла глава «Медведь на небе», в которой летчик-спасатель Ляпидевский перевозит в Москву белого медведя [Муканов, 1936а, с. 46–47]. Месяцем позже небольшой отрывок из этой главы, озаглавленный «Москва моя», появился в журнале «Новый мир» (1936, № 6). Текст, опубликованный в «Новом мире», представляет собой своеобразный фрактал, демонстрирующий принципы построения всего русскоязычного текста:

Москва моя! Свобода!	Песен
Ночью летней,	И стихов...
Когда на склонах мира	А над стеной Кремля –
Даль темна, –	Под облаками –
Ты, как в степи	Пылает ярче
Джигит двадцатилетний,	Всех огней земли
В светящийся	Наполненное
Халат наряжена.	Красным светом знамя,
<...>	Как солнце,
И каждый житель,	Восходящее вдали...
Сам того не зная, –	[Муканов, 1936б, с. 73].
Творец веселья,	

Спецификой текстов соцреализма является типичность тем, сюжетов и героев⁴. Произведения советских национальных авторов отражают их двойную идентичность. Кроме обязательных компонентов текстов соцреализма, таких как прославление Сталина, восхищение советской действительностью, готовность противостоять врагам, произведения восточных авторов содержат элементы, свидетельствующие об их принадлежности иноязычной традиции.

В первую очередь стоит отметить, что перевод не содержит никаких отсылок к событиям, связанным с челюскинцами. Главное место в тексте занимает указание на центр, средоточие всех событий советской ежедневной действительности, в том числе происходящих на полярной арктической льдине, – Кремль, над которым развевается красное знамя. Именно оно становится связующим

⁴ О типичности как ключевом понятии соцреализма см.: [Кларк, 2000б, с. 359].

звеном между Москвой и льдиной, что также подчеркивается в третьей главе поэмы:

Он [Шмидт] говорил по радио. Потом он
Ходил... Стоял, на льдине опершись.
А лагерь жил! В нем было все как дома –
Привычная кругом шумела жизнь.
Его, как стены, окружали льдины
И башни скал. Спокоен и велик –
Он Кремль напоминал: посередине
Алело знамя, как на зданьи ЦИК
[Муканов, 1935b, № 3–4, с. 37].

Лагерь на льдине представляет собой своего рода советский микрокосм [Кларк, 2000а, с. 126], пространство организуется вокруг красного знамени. Примечательно, что второй символ советской действительности – радио – соседствует в тексте поэмы с первым. Радио предстает не столько средством связи, сколько орудием спасения, что декларировалось в описании похода:

Весь мир с замиранием сердца следил и видел во всех подробностях, как два месяца с переменным успехом шла неослабная, нарастающая в своем упорстве борьба, где предметом спора была жизнь ста одного человека. Кто участвовал в этой борьбе? С одной стороны:

Холодные пустыни арктических морей. <...> С другой стороны:

Во-первых – радио. Совсем еще молодая шеренга наших арктических радиостанций установила первую связь советской столицы с далеким лагерем Шмидта [Славным завоевателям Арктики, с. 70–71].

Радио не просто связывает две точки на карте – оно символизирует связь между Москвой и любой точкой советской империи, называется первым среди прочих условий спасения, потому что посредством радио можно связаться со Сталиным.

В переводе поэмы знамя помещается в один ряд с табором, деревней и степью, чтобы подчеркнуть преобразование льдины в советское пространство:

Морозный норд в снегах полярных рыщет.
Блестит скала. Алеет флаг на ней.
Здесь самое опасное жилище
Спокойных и уверенных людей.
<...>
Полярный табор. Зимняя деревня.
Палатки, как избушки, встали в ряд.
И скалы, будто снежные деревья,
Закутанные инеем стоят.

Здесь при дневном
Коротком полусвете
Пустынно, одиноко,
Как в степи...

[Муканов, 1935b, № 3–4, с. 39].

Отсылка к образу степи, упоминание в первой главе поэмы баев, которых свергла советская власть, подчеркивают близость двух пространств, Арктики и советского Казахстана. Дополнительное значение такого сопоставления заключается в том, что арктическое и степное пространство оказываются в одном ряду советских колоний. Еще одним символом покорения Арктики выступает захваченный челюскинцами трофей – белый медведь, которого летчик Ляпидевский везет в центр империи Москву, где медведь оказывается в зоопарке. То, что Ляпидевский везет медведя в Москву, знаменует триумф летчика как советского героя-завоевателя – главного героя соцреализма, которому единственному возможно достигнуть сакрального центра империи. Как пишет К. Кларк, анализируя соцреалистический роман, «положительный герой и его наставники являются, по сути дела, единственными, кто может добраться до Москвы. Их функция – быть ритуальными посредниками между разделенными пространствами, поскольку реальный представитель масс не может пересечь пространственные границы» [Кларк, 2000а, с. 126].

То, что именно зоопарк знаменует собой окончательное покорение белого медведя, символизирующее собой покорение природы вообще, подтверждается изменением названия главы в собрании сочинений Муканова 1960 г. В переводе глава получает название «В зоопарке»⁵ [Муканов, 1960, с. 372]. Бурый медведь знакомит белого с обитателями зоопарка, при этом описывает каждого с помощью устоявшихся в литературе характеристик: слон – самый сильный, тигр – самый ловкий и быстрый, лиса – красавица. Отличительной чертой человека медведь называет покоряющую силу:

Так знай: он всех нас покоряет силой,
Его все звери, птицы, целый свет
[Там же, с. 374].

Отметим также явную библейскую отсылку в речи бурого медведя:

И много нас, и так несхожи мы,
И всем нам имена даны людьми
[Там же].

⁵ В оригинале глава называлась «Айтс» («Айтс», состязание народных певцов – акынов).

Глава поэмы, как и тексты о зоопарках 1930-х гг., завершается резкой сменой интонации: страдающий в неволе больной медведь видит пришедшего в зоопарк Шмидта, который протягивает ему руку через решетку [Лекманов, Свердлов, с. 183].

Компоненты, направленные на ориентализацию текста, обязательны для переводов восточных авторов. Большинство текстов писателей и народных певцов советского Востока содержат специфические сравнения, маркирующие текст как произведение инокультурной традиции, выделяющие его из текстов соцреализма. Зачастую в изданиях на русском языке включаются сноски-пояснения и/или словари, объясняющие значения иноязычных слов русскоязычному читателю. Все названные элементы восточного конструкта можно обнаружить и в отрывке из поэмы «Белый медведь» («Новый мир»). В качестве компонента, направленного на ориентализацию текста, выступает сравнение ночной Москвы с молодым джигитом в халате. Специфическим национальным элементом предстают в тексте пословицы:

Петух во сне
Обычно видит просо,
Лисица спит и видит петуха.
Во сне медведь, продрогший от мороза,
Поднялся за большие облака
[Муканов, 1935b, № 2, с. 54].

В русском переводе содержится ссылка, объясняющая, что фраза о лисице и петухе является казахской пословицей.

В качестве национального компонента выступает форма последней части поэмы – айтыс двух медведей, белого и бурого. Выбор такого названия отсылает к сталинской формуле, которая легла в основу определения советской национальной культуры: «...период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме» [Сталин]. При том, что вся поэма является «социалистической по содержанию», эта глава – «национальная по форме».

В приведенном отрывке не содержится явного противопоставления прошлого и настоящего, также чрезвычайно типичного для сталинского соцреализма, в особенности для восточных писателей. В тексте всей поэмы противопоставление прошлого и настоящего является одним из главных мотивов.

Немало в годы прежние героев
Взял голыми руками этот лед.
Теперь Страна Советская без боя
Товарищей своих не отдает.
<...>

Наказ вождя их вел. Узнает Сталин
 О гибели «Челюскина», о том,
 Что, кроме одного, мы все остались
 На голом льду, еще борясь со льдом, –
 Как в тот же день по сталинскому слову –
 Летавшие, ходившие сюда, –
 Пилоты, мореплаватели снова
 Отправят самолеты и суда
 [Муканов, 1935b, № 3–4, с. 37].

Главное отличие заключается в изменении отношения к человеку, выраженном в советском дискурсе: теперь каждый советский человек ценен, поэтому, как только о катастрофе станет известно, помощь будет оказана. Спасение челюскинцев оказывается возможным благодаря чудодейственной силе слова Сталина, помогающей летчикам, вера в которую – один из главных элементов сталинианы 1930-х гг. [Лекманов, с. 174].

С мотивом преобразования, произошедшего благодаря советской власти, неразрывно связана тема противопоставления Советского Союза, воплощенного в имперском центре, и всего остального мира. В отрывке оно выражено с помощью оппозиции светящейся огнями Москвы и темных «склонов мира».

Помимо эксплицитно выраженных обязательных элементов текста советского восточного автора, отрывок содержит в себе скрытую отсылку к текстам русской классики. Можно заметить переключку восклицания «Москва моя! Свобода!» со строкой «О Русь моя! Жена моя!» из стихотворения А. Блока «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» из цикла «На поле Куликовом». Закономерность такого сопоставления заключается и в близости образной системы поэтического цикла восточному тексту. Обращение к Москве резонирует со строками из «Евгения Онегина»:

Москва... как много в этом звуке
 Для сердца русского слилось!
 [Пушкин, 1960, т. 4, с. 146].

В первой главе поэмы Муканова содержится прямая цитата из «Медного всадника» Пушкина⁶. При этом в сноске дана информация об авторе и источнике цитаты:

Осада! приступ! лезут волны,
 Как звери, в окна. С ними челны
 С разбега стекла бьют кормой.
 Мосты, снесенные грозой,

⁶Цитата содержится в оригинале «Aq ajuv». Перевод «Медного всадника» появился в 1936 г. [Пушкин, 1936, с. 363–379], следовательно, Муканов сам перевел отрывок на казахский язык.

Обломки хижин, бревны, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бедных, рухлядь их,
Колеса дрожек городских.

Приводя в своем тексте объемную цитату из текста русского классика, Муканов подчеркивает близость произведений Пушкина каждому читателю, в том числе читателю из национальной республики.

Включение в текст цитаты из Пушкина преследует две цели. Очевидная цель состоит в использовании цитаты как иллюстрации несчастной жизни людей при царском режиме. Таким образом, с помощью отрывка из классики еще раз противопоставляется жизнь до и после революции, что стало основой высокой оценки поэмы критиком в 1951 г.: «Муканов, приведя цитату из пушкинского “Медного всадника” о наводнении в Петербурге, напоминает читателям о судьбе бедного Евгения. Горькая доля, одиночество, унижение были уделом всех подобных ему бедняков. Так раскрывается принципиальное различие двух эпох – двух прямо противоположных судеб простых людей. Через героический характер советского человека, выразительно нарисованный на основе метода социалистического реализма, мы видим и характер нового общественного строя» [Нуртазин, с. 132–133]. Неявная цель использования цитаты из «Медного всадника» состоит в обращении к русскому литературному канону, центром которого является Пушкин. Несмотря на то, что до масштабного празднования столетия смерти классика остается еще три года, он уже назван главным советским поэтом. Особая роль в арктическом дискурсе была отведена Пушкину, что подтверждается постоянными упоминаниями его имени в текстах поэтов и писателей: «Как величаво-символичен для нашей героической действительности, как волнующе прекрасен был рассказ т. Шмидта о том, как в полярную ночь и стужу, светя им и согревая их, с героями-челюскинцами беседовал гениальнейший Пушкин. С челюскинцами – Пушкин! Это ли не наш современник!» [Бедный]. В газетах публикуются интервью с челюскинцами, в которых они говорят, что Пушкин помогал им переносить тяготы жизни на льдине [Баевский]. Таким образом, если рассматривать арктическую льдину как воссозданный в миниатюре советский мир, то главным поэтом в нем является Пушкин.

Помимо цитаты из русского классика, в тексте поэмы содержится отсылка к классику мировой литературы Г. Гейне. Так, в пятой главе, айтысе медведей, один из медведей говорит, что он потомок Атта-троля – медведя из одноименной поэмы Гейне. Переводчик поэмы Муканова, подчеркивая связь двух поэм, считает, что этот «органичный» прием «хотя и повлек за собой пересказ некоторых стихов Гейне, но отнюдь не кажется литературщиной» [Вячеславов, с. 150].

Статья Вячеславова была опубликована в журнале «Литературная учеба» в год выхода в издательстве «Academia» поэмы Гейне в пере-

воде Л. Пеньковского. Стоит отметить тесную связь двух переводчиков: Пеньковский переводил произведения казахских писателей, в его переводе был издан казахский народный эпос [Брусиловский; Из казакского эпоса]. И Павел Вячеславов, и Лев Пеньковский были осведомлены о ситуации середины 1930-х гг., сложившейся в Казахстане. В большинстве случаев песни народных певцов, изданные как переводы, изначально создавались на русском языке, а затем переводились на казахский. Самым известным примером такой фальсификации текстов были переводы песен Джамбула Джабаева [Добренко, 2013, с. 37]. П. Вячеславов был знаком с одним из первых фальсификаторов песен акынов поэтом Павлом Васильевым, собирал и хранил его стихотворения после расстрела Васильева в 1937 г. [Гронская, с. 51]. Таким образом, и Пеньковский, и Вячеславов знали о механизмах создания псевдопереводов с казахского языка.

Можно предположить, что появление отсылки к тексту Гейне в тексте поэмы Муканова не случайно: так, Вячеславов мог знать о готовившемся издании немецкой поэмы от Пеньковского, который с 1934 г. занимался переводами Гейне для издательства «Academia», и предложить Муканову добавить отсылку к поэме. Упоминание героя поэмы Гейне в русском варианте поэмы Муканова направлено на демонстрацию знания казахским автором мировой литературы в советском изводе.

В казахском варианте поэмы упоминание Атта-троля снабжено комментарием. С помощью национальных реалий объясняется, кем был автор поэмы: Гейне назван «немецким акыном-демократом» («germanbjanb □ buqarasy aqyn») [Мукан Уль, 1935, с. 70], кроме того, даны пояснения для имен главных персонажей поэмы «Атта-троль». Таким образом, текст для казахского читателя выполняет просветительскую функцию.

В казахскоязычном тексте поэмы содержится цитата из произведения классика казахской литературы XIX в. Абая Кунанбаева, которая исчезает в русском переводе. Как и в случае с Пушкиным и Гейне, цитата из текста Абая в поэме сопровождается ссылкой на источник. По мнению автора и издателей, потенциальный читатель поэмы на казахском языке не был знаком с казахской классикой настолько хорошо, чтобы распознать в тексте цитату из Абая. Абай, Пушкин и Гейне одинаково не были известны казахскому читателю середины 1930-х гг. Одна из целей цитирования Абая состоит в актуализации текстов казахского классика в советской казахской литературе. Адресат просветительской функции текста – казахскоязычный читатель, и поэтому цитата исчезает при переводе.

Ту же просветительскую функцию выполняют комментарии в тексте поэмы на казахском языке. В отличие от перевода, в котором содержатся всего лишь три поясняющие ссылки, в казахском оригинале не только прояснена цитата из Абая, но и даны определения для таких имен и названий, как «Балтика», «Петербург», «Чапаев»,

а также слов «кит», «пятилетка», «северное сияние». Более того, даны синонимы для некоторых казахских слов, например, "perzent" – "bala maqanasında" (младенец) [Муқан Уль, 1935, с. 11]. Текст казахского автора утверждал в литературном языке новые для казахов понятия, закреплял новый советско-имперский культурный код.

Появление поэмы о челюскинцах в казахской литературе служит примером влияния советского имперского центра на выбор тем национальными авторами. При этом публикация отрывков из поэмы в центральных московских журналах включает ее в общесоветский дискурс. Обязательным условием этого является перевод текста на русский язык, при котором он трансформируется: исходные элементы сюжета остаются, но меняется план выражения. Вариант поэмы на русском языке представляет собой своеобразный конструкт, собранный согласно представлениям о том, как должно выглядеть произведение советского казахского автора, при этом из текста удаляются компоненты, которые могут быть непонятны или несущественны для русскоязычного читателя. Функционируя в переводе, произведение выходит за рамки национальной культуры и становится частью сталинской советской литературы, задача которой состоит в демонстрации превосходства советского строя, возглавляемого Сталиным.

Список литературы

- Б. Р. Наказ миллионов // Лит. газ. 1934. № 74. С. 4.
Баевский И. Пушкин в лагере Шмидта // Лит. газ. 1934. № 79. С. 1.
Бедный Д. Боевое оружие революции // Лит. газ. 1934. № 116. С. 3.
Брусиловский Е. Отрывки из казахских музыкальных пьес «Жалбыр» и «Кыз-Жибек». Арии, хоры и танцы : Для пения с ф.-п. и для одного ф.-п. / рус. текст Л. Пеньковского. М. : Гос. муз. изд-во, 1936. 32 с.
Вячеславов П. Сабит Муканов // Лит. учеба. 1936. № 4. С. 147–150.
Гронская С. «Здесь я рассадил свои тополя...» : Документальная повесть о Елене Вяловой и поэте Павле Васильеве. Письма. М. : Флинта, 2005. 334 с.
Добренко Е. Найдено в переводе: рождение советской многонациональной литературы из смерти автора // Неприкосновенный запас. 2011. № 4. С. 236–262.
Добренко Е. Джамбул. Идеологические арабески // Джамбул Джабаев : Приключения казахского акына в Советской стране : ст. и материалы / под ред. К. Богданова, Р. Николози, Ю. Мурашова. М. : Новое лит. обозрение, 2013. С. 24–70.
Из казахского эпоса. Ер-саин // Литературный Казакстан. 1935. № 3–4. С. 80–83.
Кларк К. Соцреализм и сакрализация пространства // Соцреалистический канон / под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. М. : Академ. проект, 2000а. С. 119–128.
Кларк К. Марксистско-ленинская эстетика // Соцреалистический канон / под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. М. : Академ. проект, 2000б. С. 352–359.
Лекманов О. Сталинская «ода» : Стихотворение Мандельштама «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» на фоне поэтической сталинианы 1937 года // Новый мир. 2015. № 3. С. 174–188.
Лекманов О., Свердлов М. Зверинец у Корнея Чуковского и у детских советских поэтов 1920–1930-х годов // Новое лит. обозрение. 2018. № 4 (152). С. 171–186.
Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / пер. с англ. О. Р. Щелоковой. М. : РОССПЭН, 2011. 662 с.
Муканов С. Тулпар : сб. избр. ст. М. : Сов. писатель, 1934. 104 с.

- Муқанов С. Поход. Из поэмы «Белый медведь» // Литературный Казакстан. 1935а. № 1. С. 71–75.
- Муқанов С. Белый медведь // Литературный Казакстан. 1935б. № 2. С. 52–57. № 3–4. С. 37–41.
- Муқанов С. Медведь на небе / Из поэмы «Белый медведь» // 30 дней. 1936а. № 5. С. 46–47.
- Муқанов С. Москва моя / Из поэмы «Белый медведь» // Новый мир. 1936б. № 6. С. 73.
- Муқанов С. Белый медведь / пер. В. Вячеславова // Муқанов С. Стихи и поэмы. Алма-Ата : Казгослитгиздат, 1960. С. 372–381.
- Нуртазин Т. О творчестве С. М. Муқанова. Алма-Ата : КГИХЛ, 1951. 337 с.
- Пушкин А. Медный всадник / пер. М. Давлетбаева // Пушкин А. Избр. произв. : в 3 т. Алма-Ата : КИХЛ, 1936. Т. 1. С. 363–379.
- Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1960. Т. 4. С. 9–198.
- Славным завоевателям Арктики : сборник / под ред. И. Грозы, П. Дубенского. М. : ОГИЗ – СОЦЭКГИЗ, 1934. 179 с.
- Слезкин Ю. Арктические зеркала : Россия и малые народы Севера. М. : Новое лит. обозрение, 2008. 512 с.
- Сталин И. Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б), 27 июня 1930 года // Правда. 1930. 29 июня. С. 5.
- Хасенов М. Сабит Муқанов // История казахской литературы : в 3 т. Алма-Ата : Наука, 1971. Т. 3. Казахская советская литература. С. 473–504.
- Шарипова Г. Литература Казакстана // Лит. газ. 1935. № 59. С. 4.
- Frank S. City of the Sun on Ice: The Soviet (Counter-) Discourse of the Arctic in the 1930s // Arctic Discourses / ed. by A. Ryall, J. Schimanski, H. Wærp. Newcastle : Cambridge Scholars, 2010. P. 106–131.
- Witt S. Between the Lines. Totalitarianism and Translation in the USSR // Contexts, Subtexts and Pretexts: Literary Translation in Eastern Europe and Russia / ed. by B. J. Baer. Amsterdam : John Benjamins Publ. Company, 2011. P. 149–170.
- Вәйге қортъндъсь-әдебийет кыцеримиздің өскендигін көрсетеді // Satsъjaldъ Qazaqъstan. 1935. 11 yjen. № 133 (3237). Б. 3.
- Кәтесіе. «Селыскін соғаръ» тағъь бьнда саръжаланоан рајема бәјгесинің қортъндъсь // Lenincil қас. 1935. 12 yjen. № 85 (859). Б. 3.
- Муқан улъ С. «Селуьскін» аттанарда // Satsъjaldъ Qazaqъstan. 1934. 7 nojabir. № 258 (3059). Б. 2.
- Muqan Uly S. Aq ajuv. Almaty : Qazaqъstan көркем әдебийет баспасы, 1935. 87 б.

References

- B. R. (1934). Nakaz millionov [The Order of Millions]. In *Literaturnaya gazeta*. No. 74, p. 4.
- Baevskii, I. (1934). Pushkin v lagere Shmidta [Pushkin in Schmidt's Camp]. In *Literaturnaya gazeta*. No. 79, p. 1.
- Bednyi, D. (1934). Boevoe oruzhie revolyutsii [The Weapons of the Revolution]. In *Literaturnaya gazeta*. No. 116, p. 3.
- Вәйге қортъндъсь-әдебийет кыцеримиздің өскендигін көрсетеді [The Results of the Literary Competition Announced]. (1935). In *Satsъjaldъ Qazaqъstan*. No. 133 (3237). June 11, p. 3.
- Brusilovsky, Ye. (1936). *Otryvki iz kazakhsikh muzykal'nykh p'es "Zhalbyr" i "Kyz-Zhibek"*. Arii, khory i tantsy. Dlya peniya s fortepiano i dlya odnogo fortepiano [Excerpts from Kazakh Musical Plays *Zhalbyr* and *Kyz-Zhibek*. Arias, Choirs and Dances. For Singing to the Accompaniment of Piano and for Piano Alone] / Russian text by L. Pen'kovskii. Moscow, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo. 32 p.
- Clark, K. (2000a). Sotsrealizm i sakralizatsiya prostranstva [Socialist Realism and the Sacralisation of Space]. In Günther, H., Dobrenko, E. (Eds.). *Sotsrealisticheskii kanon*. Moscow, Akademicheskii proekt, pp. 119–128.

Clark, K. (2000b). Marksistsko-leninskaya estetika [Marxist-Leninist Aesthetics]. In Günther, H., Dobrenko, E. (Eds.). *Sotsrealisticheskii kanon*. Moscow, Akademicheskii proekt, pp. 352–359.

Dobrenko, E. (2011). Naideno v perevode: rozhdenie sovetskoi mnogonatsional'noi literatury iz smerti avtora [Found in Translation: The Birth of Soviet Multinational Literature from the Death of the Author]. In *Neprikosnovennyi zapas*. No. 4, pp. 236–262.

Dobrenko, E. (2013). Dzhambul. Ideologicheskie arabeski [Dzhambul. Ideological Arabesques]. In Bogdanov, K., Nikolozzi, R., Murashov, Yu. (Eds.). *Dzhambul Dzhabaev. Priklyucheniya kazakhskogo akyna v Sovetskoi strane. Stat'i i materialy*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 24–70.

Frank, S. (2010). City of the Sun on Ice: The Soviet (Counter-) Discourse of the Arctic in the 1930s. In Ryall, A., Schimanski, J., Wærp, H. (Eds.). *Arctic Discourses*. Newcastle, Cambridge Scholars, pp. 106–131.

Gronskaya, S. (2005). “Zdes' ya rassadil svoi topolya...”. *Dokumental'naya povest' o Elene Vyalovoi i poete Pavle Vasil'evе. Pis'ma* [“Here I planted my poplars...”. A Documentary Story about Elena Vyalova and the Poet Pavel Vasilyev. Letters]. Moscow, Flinta. 334 p.

Groza, I., Dubenskii, P. (Eds.). (1934). *Slavnym zavoevatelyam Arktiki. Sbornik* [To the Glorious Conquerors of the Arctic. Collected Works]. Moscow, Ob'edinenie gosudarstvennykh knizhno-zhurnal'nykh izdatel'stv – SOTsEKGIZ. 179 p.

Iz kazakskogo eposa. Er-sain [From the Kazakh Epos. Er-sain]. (1935). In *Literaturnyi Kazakstan*. No. 3–4, pp. 80–83.

Kәmesije. (1935). “Celyskin қорғоғь” тақьғь бьнда қарғьjalanoғь рәjema бәjgesiniң қорғьндәсь [The Results of the Poetry Contest on the Quest of the *Chelyuskinty* Announced]. In *Leninil ças*. No. 85 (859). June 12, p. 3.

Khasenov, M. (1971). Sabit Mukanov [Sabit Mukanov]. In *Istoriya kazakhskoi literatury v 3 t*. Alma-Ata, Nauka. Vol. 3. Kazakhskaya sovetskaya literatura, pp. 473–504.

Lekmanov, O. (2015). Stalinskaya “oda”. Stikhotvorenje Mandel'shtama “Kogda b ya ugol' vzyal dlya vysshei pokhvaly...” na fone poeticheskoi staliniany 1937 goda [The Stalin Ode. Mandelstam's Poem “Were I to take up charcoal for the highest praise...” against the Background of the Poetic Staliniana of 1937]. In *Novyi mir*. No. 3, pp. 174–188.

Lekmanov, O., Sverdlov, M. (2018). Zverinets u Korneya Chukovskogo i u detskikh sovetskikh poetov 1920–1930-kh godov [A Zoo by Korney Chukovsky and Children's Soviet Poets of the 1920s–1930s]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 4, pp. 171–186.

Martin, T. (2011). *Imperiya “polozhitel'noi deyatel'nosti”. Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939] / transl. by O. R. Shchelokova. Moscow, ROSSPEN. 662 p.

Mukanov, S. (1934). *Tulpar. Sbornik izbrannykh stikhotvorenii* [Tulpar. A Collection of Selected Poems]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 104 p.

Mukanov, S. (1935a). Pokhod. Iz poemy “Belyi medved'” [A Quest. From the Poem *The Polar Bear*]. In *Literaturnyi Kazakstan*. No. 1, pp. 71–75.

Mukanov, S. (1935b). Belyi medved' [The Polar Bear]. In *Literaturnyi Kazakstan*. No. 2, pp. 52–57. No. 3–4, pp. 37–41.

Mukanov, S. (1936a). Medved' na nebe (Iz poemy “Belyi medved'”) [Bear in the Sky (from the Poem *The Polar Bear*)]. In *30 dnei*. No. 5, pp. 46–47.

Mukanov, S. (1936b). Moskva moya (Iz poemy “Belyi medved'”) [My Moscow (from the Poem *The Polar Bear*)]. In *Novyi mir*. No. 6, p. 73.

Mukanov, S. (1960). Belyi medved' [The Polar Bear] / transl. by V. Vyacheslavov. In Mukanov, S. *Stikhi i poemy*. Alma-Ata, Kazgoslitizdat, pp. 372–381.

Muqan ul', S. (1934). “Celuvskin” attanarda [From “*Chelyuskinty*”]. In *Satsьjalda Qazaqьstan*. No. 258 (3059). November 7, p. 2.

Muqan Ul', S. (1935). *Aq ajuv* [The Polar Bear]. Alma-Ata, Qazaqьstan kәrkem әdebijet baspasь. 87 p.

Nurtazin, T. (1951). *O tvorchestve S. M. Mukanova* [About the Work of S. M. Mukanov]. Alma-Ata, Kazakhstanskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 337 p.

Pushkin, A. (1936). Mednyi vsadnik [The Bronze Horseman] / transl. by M. Davletbaev. In Pushkin, A. *Izbrannye proizvedeniya v 3 t.* Alma-Ata, Kazakhstanskoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. Vol. 1, pp. 363–379.

Pushkin, A. S. (1960). Evgenii Onegin [Eugene Onegin]. In Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t.* Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. Vol. 4, pp. 9–198.

Sharipova, G. (1935). Literatura Kazakstana [Literature of Kazakhstan]. In *Literaturnaya gazeta*. No. 59, p. 4.

Slezkin, Yu. (2008). *Arkticheskie zerkala. Rossiya i malye narody Severa* [Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 512 p.

Stalin, I. (1930). Politicheskii otchet Tsentral'nogo komiteta XVI s'ezdu VKP(b), 27 iyunya 1930 goda [Political Report of the Central Committee of the 16th Congress of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, 27 June 1930]. In *Pravda*. 29 June, p. 5.

Vyacheslavov, P. (1936). Sabit Mukanov [Sabit Mukanov]. In *Literaturnaya ucheba*. No. 4, pp. 147–150.

Witt, S. (2011). Between the Lines. Totalitarianism and Translation in the USSR. In Baer, B. J. (Ed.). *Contexts, Subtexts and Pretexts: Literary Translation in Eastern Europe and Russia*. Amsterdam, John Benjamins Publ. Company, pp. 149–170.

The article was submitted on 18.09.2019